

Леонтьева Ю.В.

DOI 10.51980/2021_2_204

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Овчинко О.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о признаках преступного сообщества

Преступное сообщество (преступная организация) представляет собой наиболее опасную форму соучастия. Сегодня статистика МВД России свидетельствует о ярко выраженной тенденции роста количества деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 210 УК РФ, – 198 фактов в 2017 г. и 322 – в 2020 г. При этом анализ современной судебно-следственной практики свидетельствует о наличии проблем, связанных с правильной уголовно-правовой оценкой деятельности преступных сообществ (преступных организаций).

Согласно законодательному определению признаками преступного сообщества являются:

структурированность организованной группы либо объединение организованных групп, действующих под единым руководством:

цель создания: совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений и направленность этих преступлений прямо или косвенно на получение финансовой или иной материальной выгоды.

Не рассматривая понятие структурированности, остановимся на следующем моменте. Напрямую с признаком структурированности связано определение минимального количественного состава преступного сообщества (преступной организации), пришедшее на смену оценочному признаку сплоченности, также не имевшему соответствующего формального критерия.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» юри-

дическим (нормативным) обоснованием количественного критерия служит ст. 32 УК РФ, предусматривающая, что соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Вместе с тем введение признака структурированности увеличивает минимальное число членов преступной организации до четырех человек (поскольку каждое из структурных подразделений должно составлять не менее двух человек с учетом того, что руководитель (организатор) одного из этих подразделений является одновременно и организатором (руководителем) всего объединения). В то же время минимальный численный состав преступного сообщества с учетом того, что руководство указанным объединением осуществляет лицо, не входящее ни в одну из самостоятельно действующих организованных групп, включая организатора, по нашему мнению, не может составлять менее трех человек.

Более сложную организационную структуру имеет объединение организованных групп, обладающее определенной системой иерархической связи. Такое объединение предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, совместное выполнение иных действий, связанных с функционированием такого объединения. Во главе иерархической структуры сообщества находятся руководители или совет руководителей, в состав совета также входят руководители структурных подразделений, «аналитики» (советники), держатели «общака»,

нередко сюда же входят коррумпированные чиновники государственного аппарата. Низовое звено этой структуры составляют боевики, рядовые исполнители, наводчики, лица, различным образом способствующие совершению преступления, и т.д. Структурные подразделения преступного сообщества могут иметь специализацию: торговля оружием или наркотиками, контрабанда, финансовые операции и т.д. Как правило, преступное сообщество не ограничивается деятельностью одного региона, но имеет и межрегиональные и даже международные связи.

Следующим признаком преступного сообщества (преступной организации) является наличие специальной цели – совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Данный признак не безупречен. Определять качество преступного образования через тяжесть совершенного его участниками преступления некорректно, поскольку по данному признаку формирование не может быть квалифицировано как преступное сообщество. Группа лиц по предварительному сговору и организованная группа также могут создаваться для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Никаких запретов по этому поводу закон не содержит. Следовательно, для правоприменителя создается возможность либо для неоправданного сужения понятия организованной группы, либо, наоборот, для необоснованной оценки случаев совершения организованной группой тяжких или особо тяжких преступлений как выполненных преступным сообществом.

Безусловно, в процессе своей деятельности преступное сообщество может совершать и иные, не отнесенные к тяжким или особо тяжким преступления. С точки зрения традиционной организованной преступности основными доходными промыслами для нее являются незаконный оборот наркотиков и оружия, преступления в сфере экономической деятельности, контроль за игорным и развлекательным бизнесом, а также проституцией и порнографией. Между тем из

числа преступлений, входящих в сферу интересов организованной преступности, к тяжким и особо тяжким относятся лишь преступления, связанные с незаконным оборотом оружия и наркотиков, остальные преступления, как правило, являются преступлениями средней тяжести.

Признак направленности совершаемых преступлений на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды почти буквально воспроизводит положения ст. 2 Конвенции ООН 2000 г. против транснациональной организованной преступности, однако в этой статье идет речь не о преступном сообществе, а об организованной преступной группе, в то время как ч. 4 ст. 35 УК РФ определяет общее понятие преступного сообщества (преступной организации). Между тем этого признака нет в ст. 210, 282.1 и 282.2 УК РФ. Более того, и террористические, и экстремистские организации, как правило, действуют с иными целями, нежели извлечение материальной выгоды. Таким образом, создается внутреннее противоречие между нормами Общей и Особенной частей УК РФ.

Очевидно, что указанными признаками понятие преступного сообщества не определяется. В юридической литературе предпринимаются попытки вычленить признаки анализируемого вида соучастия. Например, предлагаются в качестве таковых значительное число лиц, входящих в преступное сообщество (преступную организацию), функциональная и иерархическая структура, наличие межрегиональных, а нередко и зарубежных связей, коррумпированность, значительный объем дохода от преступной деятельности. Однако, на наш взгляд, указанные признаки дают больше криминологическую характеристику преступного сообщества, и ни один из них в уголовном законе не указан. При этом следует признать, что их отражение наряду с уголовно-правовыми признаками в нормативных актах целесообразно. В то же время не совсем понятно, как быть в случаях, когда будут установлены не все указанные признаки, а лишь некоторые из них. Например, возможно ли признать наличие преступного сообщества при

отсутствии межрегиональных связей? Может ли преступное сообщество состоять, например, из 10-15 человек? Какой объем дохода от преступной деятельности является значительным? Необходимо указать, что в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 содержался ответ на эти вопросы и указывалось на сочетание в различной совокупности таких признаков.

А.И. Гуров более двадцати лет назад выделил восемь основных признаков, характеризующих преступную организацию: наличие материальной базы, общего денежного фонда, официальной «крыши», коллегиального органа руководства, устава, функционально-иерархической системы, специфической языково-понятийной системы, информационной базы, «своих» людей в органах власти, судебной и правоохранительной системах¹. Это, конечно, не законодательное определение, но, на наш взгляд, указанный перечень и сегодня заслуживает того, чтобы быть воспринятым правоприменительной практикой.

Прежде всего следует выделить наличие коллегиального органа руководства (аппарата управления) с организатором и руководителем во главе. Это, действительно, признак преступной организации, которого нет в других формах соучастия. В ч. 4 ст. 35 УК РФ используются слова «действующих под единым руководством», правда, они употребляются применительно к объединениям организованных групп, но Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 постановления от 10 июня 2010 г. № 12 четко указывает на то, что единое руководство является обязательным признаком структурированной организованной группы.

Преступная организация может быть признана таковой только при наличии сплоченности. Причем это сплоченность в полном смысле слова, самый высокий

ее уровень. В группе лиц, группе лиц по предварительному сговору уровень сплоченности низок, в организованной группе он достигает уровня устойчивости. Следующий уровень сплоченности свидетельствует, что это уже не организованная группа, а преступная организация.

В связи с этим можно только сожалеть, что в настоящее время сплоченность не указывается в качестве признака преступной организации.

Организованная группа может перерасти в преступную организацию с появлением аппарата управления и признаков сплоченности. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 это подтверждено следующим образом: «Если участники организованной группы, первоначально объединившиеся для совершения преступлений небольшой и (или) средней тяжести, совершили одно или несколько тяжких и (или) особо тяжких преступлений, их действия подлежат квалификации по соответствующей части статьи 210 УК РФ при условии, что эта организованная группа до совершения тяжкого или особо тяжкого преступления преобразовалась в преступное сообщество (преступную организацию), то есть стала обладать признаками, предусмотренными частью 4 статьи 35 УК РФ».

Таким образом, законодатель более десяти лет назад кардинально изменил понятие преступного сообщества (преступной организации), при этом поставился учесть теоретические высказывания по данному термину, и изменения продолжают до сих пор, однако за прошедшие годы ни в формулировке закона, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ не раскрыты вопросы, возникающие при квалификации данного вида соучастия, что, несомненно, требует дальнейших научных разработок данного понятия.

¹ Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997. С. 259-260.